

Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей
//Государственное Издательство Детской Литературы, М., 1962
FB2: "Miledi ", 2008-02-21, version 1.0
UUID: 2008f929-2faa-102b-868d-bf71f888bf24
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Вольный человек Яшка (Уральские рассказы)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0009
III.....	.0013
IV.....	.0017
V.....	.0022

**Дмитрий Наркисович Мамин-
Сибиряк
Вольный человек Яшка**

Глубокая осень. Последний осенний караван «выбежал из камней» только к 8 сентября. На реке Чусовой «камнями» бурлаки называют горы. Пониже камней Чусовая катится уже в низких берегах. Скалы и хвойный лес быстро сменяются самой мирной сельской картиной: по берегам стелется пестрая скатерть пашен, заливных лугов и редких перелесков. Изредка выглянет глухая деревушка, изредка мелькнет далекая сельская церковь... и опять глухой простор на десятки и сотни верст.

Выбежав из камней, караван отдыхал. Тяжелая бурлацкая работа осталась позади, — там, где сдавленная каменными кручами, река бурлила и играла, как дикий зверь. Опасность плавания усложнялась осенними дождями, которые подпирали реку в несколько часов иногда аршина на два. Главным образом играли безыменные горные речушки; они стремительно несли в Чусовую дождевую воду, что скатывалась с гор. Так бывает только осенью, когда земля уже достаточно про-

питается влагой.

– Теперь будем переваливаться с плеса на плес, как блин по маслу, – говорил бурлак Яшка, делая преуморительную рожу.

– У тебя везде масло на уме, – ворчал сплавщик[1] Лупан, припоминая последнюю хватку, когда Яшка напился до зла горя. – Все ищет, где полегче да где плохо лежит. У непутевого человека и разговор непутевый...

На барке было шестнадцать бурлаков и в том числе три бабы. Собрались они с разных сторон: какие-то отбившиеся от работы заводские мастеровые, двое татар из Казанской губернии; остальные – свой чусовской прибрежный народ, выросший на сплавах.

Из этой пестрой массы Яшка выделился сразу, как непутевый человек. Среднего роста, какой-то весь взъерошенный, кривой на один глаз – одним словом, не настоящий мужик, а так, как мякина в зерне. Особенно страдал Яшка по части одежды: на нем, кроме пестрядиной рубахи и таких же штанов, ничего не было. И это в сентябре, когда и холод, и ветер, и холодный осенний дождь.

– Как же это ты так ошибся одеждой-то? –

журил его водолив.

– А вот за работой согреюсь... Который бог вымочит, тот и высушит.

– Пропил одежду-то?

Яшка только встряхивал головой и улыбался. Что же, было дело!.. Кто его знал, что на реке по ночам так студено будет. Ну, да одежда – дело наживное: не с одеждой жить, а с добрыми людьми.

Таких молодцов на барке было еще трое, и все забубенные пьяницы. Яшка отличался от них только особенным мужицким балагурством, которое иногда переходило в шутовство. Шутовства-то ему и не прощали. Можно быть и пьяницей и забулдыгой, чем угодно, но только не шутом. А Яшка не мог утерпеть – нет-нет, да и выкинет коленце, так что все помирают со смеху.

– Ах, Яшка, хрен тебе в голову!.. Ну и Яшка!

На третий день сплава, когда барка бежала еще в камнях, Яшка чуть не подрался.

Дело было так.

Ранним утром барка бежала мимо лесистого берега. Бурлаки стояли сумрачные, озябшие, озлобленные. С реки так и поддавало хо-

лодным осенним туманом. Яшка стоял у потеси вместе с другими и корчился, как грешная душа. Вдруг он прищурил зрячий глаз и жалостливым голосом проговорил:

– Эх, кабы ружье!..

– А что, Яша?

– Да вот жаркое-то как насвистывает...

В лесу действительно перекликались рябчики.

– И вкусен теперешний осенний рябчик, – объяснял Яшка. – Ишь как выделявает, шельмец!.. Праз!.. – и жаркое. Нет лучше этого осеннего рябчика... Падает убитый с дерева, так кожа у него от жира лопается.

– Да ты охотник, что ли, непутевая голова?

– Случалось... Лет с двадцать ружьишком промышлял.

– Куда же ты его дел, ружье-то?..

Яшка хотел объяснить, но его предупредил какой-то шутник:

– Да он его пропил, ружье-то...

– Я? Пропил?..

Яшка вдруг обиделся, и это послужило поухой для всей барки. Так мог сделать только непутевый человек. Настоящий мужик и ви-

да не показал бы, что его задели за живое, а Яшка выдал себя головой.

– Ах, Яша, Яша, зачем же это ты ружье-то пропил? – притворно жалели его. – Вот теперь и стой у потеси... Ел бы жареных рябчиков, кабы ружье-то... Ах, Яша, Яша!..

– Ничего вы не понимаете, черти! – ругался Яшка. – Едал я этих самых рябчиков достаточно. И глухарей, и уток, и косачей – сколько даже угодно.

Слово за слово – и дело кончилось дракой. Яшку едва оттащили от большого, здоровенного бурлака, в которого он вцепился, точно кошка.

Слышу я всю эту перебранку. Вглядываюсь в лицо Яшки и вдруг припоминаю такой же ненастный осенний день в горах, ночлег в охотничьем балагане, неожиданное появление глухой ночью охотника-промышленника... Это был он, Яшка! Как это я не узнал его сразу?.. А между тем лицо у Яшки принадлежало к числу тех лиц, которые трудно забыть.

Впрочем, наша встреча происходила ночью, а ранним осенним утром Яшка уже ушел на промысел. На расстоянии пяти-шести лет таких встреч – сотни, и можно забыть даже самое заметное лицо.

Да и Яшка сильно постарел, как-то весь вылинял, совсем подходил к тем пропащим людям, из каких составляются бурлацкие ватаги.

Непонятно было одно: как Яшка, вольный человек, охотник, попал в бурлацкую неволю?

– А ты меня не признаешь? – обратился я к нему, когда Яшка грелся у огонька, горевшего посреди барки на особом очаге.

Яшка равнодушно посмотрел на меня сво-

им единственным глазом, почесал затылок и проговорил:

– Как будто и не припомню этакого барина...

– А как-то на Белой горе вот так же осенью ночевали вместе в балагане?.. Ты за рябчиками ходил...

Яшкино лицо точно просветлело.

– А ведь точно... – заговорил он как-то особенно быстро. – Ах ты, братец ты мой!.. Еще у вас тогда собачка рыженькая была, на переднюю ножку припадала? Вот-вот... У меня тогда тоже собака, Куфта, была – аккуратный песик! Вот как глухарей по осеням на листьях облаивала... спелую белку искала!.. И на медведя хаживала!..

Эти воспоминания были прерваны новым взрывом досады:

– А вот привел господь бурлачины отвечать, барин!.. Самый пустой народ... «Ружье, говорят, пропил», а того не понимают, галманы, что такое ружье. Разве его можно пропить?.. Нет, прямые подлецы они, барин, вот это самое бурлачье. Пропил!.. Варнаки!..

Оглядевшись кругом, Яшка прибавил

вполголоса:

– Ружьецо-то у меня скапутилось... Да. Пошел по первому снегу за оленями; выследил одного, подкрался – трах!.. казенник[2] и вырвало. Лучше бы, кажется, руку оторвало... Какой я человек без ружья? Хуже меня нет. Уж я и поправлять его отдавал, ружье-то, денег на поправку стравил видимо-невидимо, а толку не вышло. Мастершки плохие и вконец извели. Вот я и подумал сплыть на караване до Перми: зароблю[3] восемь целковых да там и цапну новенькую орудию.

Последние слова Яшка проговорил с каким-то особенным вкусом и даже закрыл глаза, предвкушая удовольствие.

Ружье для него составляло все, и он вынашивал мысль о нем, вероятно, целую зиму. Добыть новое ружье было для него большою задачей: он знал, что, добыв ружье, бросит бурлацкое дело и опять станет вольным человеком.

Эта встреча доставила мне много удовольствия, хотя водолив, в балагане которого я скрывался на ночь от холода, и косился на Яшку, когда тот с охотничьим простодушием

расположился «чаевать» со мною.

– Разве они што понимают? – объяснял Яшка с некоторой снисходительностью. – Так, темный народ... Конечно, я на барке-то «пришей хвост кобыле», а поглядели бы на меня в лесу. Ну-ка, попробуй!.. Ты десять раз мимо прошел, а Яшка уж нашел. По лесу-то я барином хожу... Хочу – у огонька буду сидеть, хочу – завалюсь спать. Разве они это могут понимать?.. Яшка – вольная птица... Вот только бы господь сподобил касательно ружья!..

Мне очень хотелось приютить Яшку около себя, но это оказывалось невозможным – третьего места в балагане не было.

Вечером я укладывался, и мне тяжело было думать, что я лежу в сухе и тепле, а Яшка корчится около огонька...

– Ведь не я один колею, – объяснил Яшка. – Конечно, они варнаки и ничего не понимают, а только все же человеки...

Это была ужасная ночь... Я проснулся от какого-то пронизывающего холода. Часы показывали три. По скрипу потесей, бултыхавших воду с таким тяжелым шумом, точно ее разгребала какая-то огромная лапа, я заключил, что барка плывет. В камнях на ночь останавливали барку – делали «хватку», а теперь барка плыла, потому что, кроме мелей, никакой опасности не предвиделось. Работы было меньше, и бурлаки разделились на две смены – дневную и ночную.

Когда я вышел из своего балагана, меня поразила открывшаяся картина. В воздухе тихо кружились хлопья мокрого снега... Вся барка была покрыта слоем этого снега по крайней мере на вершок. Кое-где слабо мерещились мокрые тени работавших у потесей бурлаков. Картина получалась ужасная. Некоторые кутались в мокрые рогожки, а большинство стояло без всякого прикрытия.

Царило мертвое молчание. Оно приходилось как нельзя больше под стать этой картине холодной смерти. Мне казалось, что наша

барка плывет именно в каком-то мертвом царстве. Сплавщик Лупан, седой важеватый [4] старик с окладистой бородой, сидел на своей скамеечке на задней палубе и отдавал приказания молча, движением руки, точно и он боялся нарушить мертвую тишину.

– А где Яшка? – спросил я водолива, отливавшего воду.

Он, тоже молча, мотнул головой на кладку медных полос – «штык», проходивших поленницей посредине барочного дна от носа до кормы. Я понял, что водолив не забрался в балаган из совести и мокнул под снегом вместе со всеми остальными. Потому же и Лупан оставался на своей скамейке. Сказалось без слов то артельное чувство, которое из разношерстной бурлацкой ватаги делало одну дружную семью.

Яшка спал под мокрой рогожкой, покрытой снегом. Из-под нее поднимался только пар. Он устроился прямо на медных штыках, перевязанных по шести штук, так что через свою рогожку должен был чувствовать каждое ребро медной штыки и все узлы жестких веревок. Другие бурлаки забрались под палу-

бы, – там по крайней мере не заносило снегом, – но вольный человек Яшка привык проводить целые недели на открытом воздухе, а зимой и прямо спать в снегу.

Я прислушался, – из-под рогожки слышалось ровное дыхание спящего человека.

Я присел к огню и долго смотрел кругом. Никогда еще пламя не казалось мне таким красивым, как именно сейчас, когда оно боролось с этой влажной, тяжелой тьмой. В такие ночи можно понять и все то неизмеримое значение огня, о котором как-то совсем забываешь, сидя в теплой комнате. Какая страшная ночь покрывала бы человечество, если бы не было огня! Недаром Яшка до сих пор считает грехом плюнуть на костер. Вот и теперь он устроился на штыках, наверно, только потому, чтобы быть поближе к огоньку.

– Шли бы вы, барин, к себе в балаган, – посоветовал мне водолив, подкидывая на очаг несколько мокрых поленьев. – Дело-то ваше непривычное: как раз лихоманка ухватит, а то и паралик расшибет.

Признаться сказать, мне было совестно уходить в свой балаган, когда другие мокли

на палубах, но оставаться с ними было не под силу. Ушел я в балаган, кое-как сгороженный из досок, рогож и еловой коры, – на свою жесткую постель из наворованного на берегу сена. Я долго прислушивался к мертвой тишине, пока не заснул тревожным сном.

IV

Проснулся я поздно, – проснулся от страшного шума, происходившего на барке. Первая мысль была, что барка тонет. Я выскочил из балагана и замер от изумления. Происходило что-то невероятное до последней степени...

Над баркой с гоготанием тяжело кружились дикие гуси. Обессилевшая птица, застигнутая ранним снегом, падала в реку. До десятка гусей с какой-то отчаянной решимостью сели прямо на барку. Последнее было тем более удивительно, что дикий гусь – очень осторожная птица и не подпустит охотника на несколько выстрелов.

– Лови, робя, бей!.. – галдели бурлаки, гонясь за обессилевшей птицей.

Работа была брошена, и на барке происходила настоящая свалка. Меня поразили отчаянный вопль Яшки, который бегал по барке, как сумасшедший.

– Братцы!.. Родимые мои!.. Што вы делаете?.. Ах, варнаки... ах, подлецы!.. Братцы, миленькие, не троньте божью тварь!.. Разе мож-

но ее трогать в этокое время?.. Очумели вы, галманы отчаянные!.. Креста на вас нет, на отчаянных... Ах, братцы, грешно! Вот как грешно!..

Проворнее всех оказалась одна из баб. Она поймала уже двух гусей и лежала на них пластом. Яшка накинулся на нее и отнял помятую, обезумевшую от ужаса птицу.

– Што ты делаешь-то, дурья голова?.. Вот я тебя расчешу... Право, отчаянные варнаки!.. Братцы!.. Черти!..

Яшка ругался, как остервенелый, и в то же время гладил отнятых у бабы гусей. Бурлаки смутились, и некоторые уже выпустили пойманную птицу.

– А сам-то небось стреляешь всякую птицу, ярыга! – ответно ругалась обиженная баба. – Сбесился, деревянный черт!..

– И стреляю, дура-баба... да! – орал Яшка, закипая новой яростью. – Только не на перелетах... Я вольную птицу бью, которая в полной силе, а эта замерзлая. Вот ты бурчишь, дура-баба, а того не знаешь, что убить человека грешно, а за убитого странника вдесятеро взыщется. Так и с птичкой перелетной... На-

жралась бы ты этой гусятины и околела бы сама. Одно слово: дура!.. Птичка-то к нам на села, дескать: «Дадут передохнуть, а может, и накормят», – а ты навалилась на нее как жернов. В другое-то время разве она подпустила бы тебя, дуру?..

– В самом деле, братцы, не троньте божью птицу! – поддержал уже хрипевшего от волнения и крика Яшку старый сплавщик Лупан. – Нехорошо!.. Пусть передохнет, а потом сама улетит, куда ей произволение. Яшка-то правду говорит...

– Да ведь это харч, – нерешительно заявил один голос из сбившейся кучки бурлаков. – Такое бы варево заварили, Лупан Степаныч!..

– А ты, оболдуй, слушай ухом, а не брюхом!.. Яшка-то всех умнее себя обозначил. Да!.. Он уж это дело знает.

– Ах, боже мой, да ведь грех-то какой! – умиленно повторял Яшка, обращаясь ко всем вообще. – Вон какая смиренная птичка... Сама в руки идет. Только вот не говорит: «Устала, мол, я, притомилась, иззябла...» А вы ее бить!..

Выбившийся из сил гусиный косяк теперь

покрывал Чусовую, точно живой снег. Гуси не сторожились больше своего страшного врага – человека. Те, которые попали на барку, успели отдохнуть и торжественно были спущены на воду к призывно гоготавшим товарищам.

Яшка торжествовал и даже перекрестился, спуская последнего гуся.

– Будто еще должен один быть? – думал он вслух, оглядывая недоверчиво толпу бурлаков.

– Все тут, Яшка...

– Ну, и слава богу!.. Спасибо, братцы!

А снег все валил. Вода казалась такой темной в этих побелевших берегах. Где-то вдали смутно обрисовывались деревенские строения.

– Эй, будет валандаться попусту! – скомандовал сплавщик. – Держи нос-от направо...

Потеси лениво забултыхались в воде. Гусиный косяк сгрудился и стройной массой с гусиной важностью отплыл к противоположному берегу, провожая барку своим гоготаньем.

– Правильная птица! – заметил Яшка, провожая глазами удалявшийся от нас косяк. –

Умнее ее нет... И живет парами, по-божески.
Не то что, например, косач...

Почесав затылок, Яшка прибавил совсем другим тоном:

– Эх, ежели бы вот таких гуськов десяток, был бы Яшка с ружьем и не колел бы, как пес! В Перми бы продал по целковому за штуку...

Вечером мы вместе пили чай в балагане – я, Водолив и Яшка. На Яшке мокрая рубаха дымилась от пара. Он с каким-то ожесточением пил одну чашку за другой, вернее, не пил, а глотал. Это опять был жалкий Яшка.

– Тебя не знобит? – спрашивал я.

– Нет, зачем знобить?.. Вот ежели бы мокрый-то я у огня начал греться, ну, тогда пропасть.

Напившись чаю и поблагодарив, Яшка поднялся.

– Ну, теперь пойду на свою перину, барин...

Взглянув на изголовье постели, на которой отдыхал водолив, Яшка укоризненно покачал головой:

– Эх, Павел Евстратыч!.. То-то я давеча не досчитался одного гуська... Где у тебя совесть-то?..

– Ну, ну, поддержи язык за зубами.

– Я-то поддержу, а тебе отрыгнется этот гусь...

Из-под изголовья высовывался гусиный

ХВОСТ.

– Да ведь я его не ловил! – оправдывался водолив. – Сам он забежал в балаган. Ну, я его и пожалел: приколот.

– У волка в зубе Егорий дал?.. Эх, Павел Евстратыч, нехорошо... Вот как нехорошо!

Примечания

Лоцман. (Примеч. автора.).

[^^^]

2

Казенник – большой железный винт, который вставляется в заднюю часть ружейного ствола.

[^^^]

3

Зароблю – заработаю. Таков говор в Пермском крае. (Примеч. автора.).

[^^^]

4

Важеватый – внушительной, солидной внешности.

[^^^]